

даже не тот, кто владеет этим материалом, а тот, кто может в ежесекундно меняющихся обстоятельствах находить единственно правильное решение, кто умеет сориентироваться в текущей педагогической ситуации, «моделировать» условия игры и «втягивать» в нее аудиторию.

Что до самого понятия «образование», то необходимо понять смысл, который мы вкладываем в него. Можно согласиться с Н.Г. Чернышевским, который в статье, посвященной памяти А.С. Пушкина, писал: «Образованным человеком называется тот, кто приобрел много знаний... привык быстро и верно соображать, что хорошо и что дурно, привык «мыслить», и, наконец, у кого понятия и чувства получили благородное и возвышенное направление. Все эти три качества – обширные знания, привычка мыслить и благородство чувств – необходимы для того, чтобы человек был образованным в полном смысле слова» [6].

Библиографический список

1. Коротков Э.М. Управление качеством образования: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2007.
2. Белкин А.С. Основы возрастной педагогики. М.: Издательский центр «Академия», 2000.
3. Митин А.Н. Основы педагогической психологии высшей школы. М.: Проспект, 2010.
4. Ротенберг В.С., Бондаренко С.М. Мозг. Обучение. Здоровье: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1989.
5. Булатова О.С. Искусство современного урока: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
6. Чернышевский Н.Г. Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения. М.: Гослитиздат, 1950.

УДК 316.04

Л.М. Тюляева
УрГПУ, Екатеринбург

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Повседневность, проблематизированная еще в 30-е годы прошлого столетия, в настоящее время все чаще вызывает интерес как предмет научного исследования. Причин тому много, и одна из них – угроза «отглобализировать» сегментарное разнообразие способов социальной жизни, выработанных этносами в ходе своей истории. Вероятность того, что глобализация может стать эпитафией на могиле человечества, достаточна велика – она «сворачивает» это жизнеспособное разнообразие, тем самым сужая поле

изменчивости стратегий человечества под будущие условия и проблемы выживания. Исследователи активно прорабатывают сценарии реакций различных культур на вызовы глобализации с тем, чтобы нащупать среди них сколько-нибудь позитивные варианты.

На наш взгляд, большим потенциалом в этом отношении обладает повседневность как особая форма опыта, который, по сути, противоположен глобализации в главном – он разворачивает однозначную рациональность в спектр многозначностей, на риск «глобально» потерять смыслы он отвечает их рождением. В «повседневностях» конкретных социумов коренится их жизнь и происходит «ферментация» рациональностей, навязываемых глобализацией.

Побродив по лабиринтам совсем непростой отечественной повседневности, остановимся на одном из ее «закоулков» – русском огороде и попытаемся показать, что вызовам упомянутой выше глобализации он, «родимый», может сказать далеко не последнее слово. Названия его изменялись в разные эпохи – огород, дача, приусадебное или личное подсобное хозяйство, любительское садоводство и огородничество, и уже совсем по-научному – агрорекреационный объект. Но время смешало множество значений и сегодня точнее, наверное, называть его «сад-огород-дача», понимая под этим не торгово-коммерческое предприятие семьи и не результат работы ландшафтных дизайнеров (колонизаторы!), а то, что делается на земле семьи для «собственного домашнего употребления» самими людьми и собственными руками.

Траектория развития русского огорода затейлива и временами парадоксальна. Начинаясь с простых огородов при монастырях в далекой древности, после образования Московского государства, развернувшись в разнообразие и пышность царского огорода, он затем явно переживает не лучшие свои времена, становясь, второстепенной отраслью крестьянского хозяйства и предметом заботы женщин и детей. Выполняя свою потребительскую функцию и став торговым земледелием для провинциальных русских городов в царской России, с установлением нового социального порядка 1917 г. огород сначала чрезвычайно жестко ограничивается со стороны идеологии, претендующей на роль единственного «упорядочивателя» жизни. Далее, обреченный, казалось бы, на полное исчезновение по причине взятого курса на развитие товарного хозяйства во времена перестройки, парадоксальным образом «натурально» оживает и становится «палочкой-выживалочкой» для многих людей в это нелегкое время. Экономика давно подписала бы приговор традиционной натуральности огорода, низкоэффективной и непродуцительной, если бы не была обнаружена его неомиссия – социокультурная, социально-психологическая, эмоциональная, терапевтическая, коммуникативная и т.д. Она позволяет огороду с успехом реализовывать в настоящее время широкий спектр постиндустриальных ценностей личности. Да и первич-

ное его назначение – экономически-потребительское – не исчезло, а обрело экологический вектор – пусть хлопотно, зато «чистое».

Вообще главная особенность эволюции дачи и огорода – смена функций деятельности на земельных семейных участках в соответствии с изменением потребностей людей. Удивительной пластичностью огород обязан своей способности менять типизации для любой проблемной ситуации. Своим устройством и «естественностью» он принуждает человека переопределять ее, возвращая в лоно нормального хода жизни. Таким образом, в рамках феноменологической методологии русский огород с полным правом может претендовать на то, чтобы именоваться культурным объектом в структуре нашей повседневности, орудием, изобретенным социумом для овладения и упорядочивания внешнего и собственного внутреннего мира с целью выживания. Мы вырываемся из урбанизированной среды и едем на свои «сад-огород-дачу» подышать чистым воздухом, побыть в тишине, среди зелени, послушать пение птиц. Не чувствуя вкуса «гламурных» фруктов и овощей, спешим вырастить свои, «чистые» огурчики и помидорчики. Выживать в мире тотальной манипуляции и жесткого контроля помогает нам реализация своих задумок очередного экопроекта, и то, что мы чувствуем себя авторами этой жизни, которая начинается каждой весной (ох, конечно, трудно быть богом!). Уставшие от стандартов жизненного пространства, спешим воплотить на своем участке нечто индивидуально-эстетическое из всего, что растет и не растет... Тотальную рыночную максимизацию выгоды «переопределяем» в благо общения в кругу близких и друзей. А какие ресурсы таит в себе огородничество как сфера социальных практик семьи, как механизм осмысления межличностной коммуникации в условиях противоречий и конфликтов! Огород упорядочивает внешнее и внутреннее в гармонии с природой, с самим собой, с социальным окружением. Волна глобализации остается в русском огороде желтым песочком, укрывающим дорожки между грядок...

Огород давно оброс другими элементами и действиями, помимо работы по выращиванию овощей для нужд семьи, не смущаясь их противоречиями – в баньке попариться, шашлычки поесть, на травке поваляться. Он обладает гибкими возможностями: в зависимости от ситуации и того, кто огородничает, он может служить и расслаблению и освобождению от умственного напряжения. С одних огород снимает излишний интеллектуализм, пробуждает в других эстетическую тонкость, ставя на одну доску людей различных профессий. Вообще огород служит неким индикатором мастерства человека в отношении всего, что связано с творением, возрождением различных форм жизни, их умножением (Фрейд назвал бы это свойство огорода чрезвычайно эротическим). Видимо поэтому огородами с удовольствием занимаются многие женщины. Они реализуют свою демурную сущность с помощью огорода бесконечно – ранней весной окна городских домов превращаются в инкубаторы по выращиванию всяче-

ских «ростков», пригородные автобусы наполнены взбодрившимися пенсионерами, самозабвенно участвующих в этом волшебном круговороте жизни. Осень меняет смыслы, и народ активно переживает чувство довольства результатами своего труда. Не беда, если они не ахти какие, огород не закрывает временные перспективы – «вот на следующий год...»

«Сад-Огород-Дача» воспринимается как существенная черта нашего способа жизни, ибо и такое национальное достояние как соленый огурчик и черная корочка с хлебной водочкой – все оттуда.

УДК 14

В.Д. Шмелев
УГЛТУ, Екатеринбург

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ОБ ИСТИННОМ ПУТИ ЖИЗНИ

Что такое жизнь? Что такое смерть? В чем особенности человеческой жизни? Все эти вопросы чрезвычайно волнуют человечество и каждого индивидуума. Они не теряют своего значения в пространственно-временном континууме, всегда актуальны и злободневны. Однако в каждый период человеческого бытия выдвигаемые на основе их решения, смысложизненные ориентиры приобретают своеобразный социальный имидж. Если общество уже достигло зенита в собственном развитии, то они постепенно сглаживаются и растворяются в общественном сознании и, наоборот, серьезно обостряются в переломные кризисные эпохи. Сегодня на глобальном уровне сложилась острая кризисная ситуация, охватившая буквально все страны мира. Воочию предстало, что «капитализм исчерпывает себя; государственный социализм на практике показал непригодность и архаичность» [1]. Поэтому внимание к данным проблемам, особенно к оригинальным вариантам их решения, вновь существенно возросло. Вопрос об истинном пути жизни превратился в один из самых животрепещущих.

Современные искания российских любомудров, пытающихся найти выход из сложившейся кризисной ситуации в стране, характеризуются разноплановостью и многообразием. Они лишены прежней поляризации, когда марксистские воззрения и представления их идейных оппонентов находились в непримиримом противостоянии при объяснении социума. Можно констатировать, что господствовавшие прежде духовные ценности практически утратили социальную значимость, и объективно возникла необходимость в качественно ином осмыслении повседневной человеческой деятельности. Одновременно наступил срок разбирать прошлые завалы и извлекать на свет все то, что сохранило какое-либо значение для современности и может быть использовано в нынешних теоретических построениях. Оказалось, что философско-теологическое наследие Л.Н. Толстого